

Кречинского» можно было бы увидеть и в других коннотациях и распознать выксунский след в трилогии.

Отмечая свой 40-й год рождения в 1857 году, Сухово-Кобылин перечисляет достигнутые «результаты»: приведение в порядок, насколько возможно, шепелевских дел, запуск производства на своем сахарном заводе, изменение семейных отношений: «...Таким образом, я стал Корнем, Центром и Шкворнем семьи — и это почти против общего желания. Таким образом, год этот я выполнил много знаменательных задач. Даже в обществе мое положение к нынешнему только году начало изменяться. У света после восьми лет Клеветы притуплены уста и измолче[на] Гортань. <...> В нашем околке я начал приобретать твердую и добрую репутацию практического Человека. „Кречинский“ помог <...> Мне кажется, что именно в этом году я принял положительный характер замечательного Человека».³⁹

Закономерно, что, оглядываясь на прожитые десятилетия, подводя промежуточные итоги, Сухово-Кобылин соотносит самое главное с Выксой, ставшей для него вехой, мерой мер, а опыт усадебного театра во многом предопределил новую поэтику сухоово-кобылинской драматургии.

³⁹ Сухово-Кобылин А. В. Дневник // Дело А. В. Сухово-Кобылина. С. 312 (запись 17 сентября 1857 года).

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-130-146

© М. М. Павлова

ЗАЛОЖНИК «СТАРИННОГО СПОРА»: ВОКРУГ «СТИХОТВОРЕНИЙ» (1887) Н. М. МИНСКОГО

В статье представлены новые и ранее не учтенные материалы, относящиеся к выходу в свет второй поэтической книги Н. Минского «Стихотворения» (СПб., 1887), ставшей важной вехой в его творческой эволюции¹ и заметным событием в истории русского пресимволизма; именно здесь впервые было напечатано стихотворение «Как сон пройдут дела и помыслы людей...» (1887), воспринятое современниками как манифест новой поэзии.²

Критическая рецепция сборника основательно изучена и описана С. В. Сапожковым — ведущим исследователем и публикатором литературного наследия Минского.³ Мы остановимся на двух сугубо локальных сюжетах: первый эксплицирует ранее неизвестные в полном объеме письма Минского к А. М. Скабичевскому⁴ в ответ на его рецензию и отклики на возникшую между ними полемику Л. Гуревич и А. Воынского⁵ — ближайших литературных союзников Минского (в 1891 году они возглавили пе-

¹ О месте сборника в поэтической эволюции Минского см.: Сапожков С. По опасной тропе «холодных слов»: Поэзия и судьба Николая Минского. М., 2021. С. 74–94 (часть «Первая жизнь», гл. 3).

² Перцов П. П. Литературные воспоминания: 1890–1902 / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002. С. 176.

³ См.: Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы / Вступ. статьи, подг. текста и прим. С. В. Сапожкова и А. А. Кобринского. СПб., 2005. С. 340–344 (Новая Библиотека поэта; Ранние символисты).

⁴ Скабичевский Александр Михайлович (1838–1910/1911) — литературный критик, публицист и историк литературы, близкий либерально-демократическому направлению; сотрудничал в «Современнике», после его закрытия в 1868 году — в «Отечественных записках».

⁵ Гуревич Любовь Яковлевна (1866–1840) — писательница, переводчица, литературный и театральный критик, с 1891 года издательница журнала «Северный вестник». Воынский Аким Львович (наст. имя: Хаим Лейбович Флексер; 1863–1926) — литературный критик, искусствовед, историк балета; идеолог и ведущий критик журнала «Северный вестник». В 1887 году

решедший в их руки «Северный вестник», предоставив площадку журнала молодым творческим силам — символистам (русским Modernen, как их называла Гуревич);⁶ второй знакомит с новонайденным письмом Минского к Н. К. Михайловскому (от 8 февраля 1888 года),⁷ которое с полным правом можно назвать «программным» текстом поэта. Оба сюжета подсвечивают литературную ситуацию конца 1880-х годов — наметившийся в кругах творческой элиты поворот от позитивизма и утилитаризма «шестидесятников» к эстетизму и идеализму ранних символистов.

1

Ко времени выхода сборника Николай Минский — автор книги стихов (СПб., 1883), уничтоженной по распоряжению цензуры, и ходившей в списках запрещенной поэмы «Гефсиманская ночь» (1884), печатавший свои произведения в «Вестнике Европы» М. М. Стасюлевича и «Северном вестнике» А. М. Евреиновой и Н. К. Михайловского (1885–1889) — имел репутацию одного из наиболее значительных поэтов постнароднической поры (С. Я. Надсон ушел из жизни в январе 1887 года). Его стихи пользовались исключительной популярностью у молодого поколения. «Не понимаю, почему в восьмидесятых годах Надсон так затмил Минского, — вспоминал В. В. Вересаев. — Надсон, бесспорно, был лиричнее, душевнее, доступнее Минского. Но Минский был глубже, мужественнее и гораздо полнее отражал настроения эпохи. Особенно в больших своих поэмах: „Белые Ночи“, „Песни о родине“, „Гефсиманская ночь“. Минский почему-то не спешил издавать сборника своих стихов, мы их разыскивали в старых книжках „Вестника Европы“ и „Русской мысли“».⁸

Во вторую книгу стихов поэт включил тридцать стихотворений из первой (не дошедшей до читателя), пять поэм, в их числе получившие признание «Белые ночи» и «Песни о родине», а также большой корпус новых произведений; она открывалась и заканчивалась программными поэтическими текстами, соответственно — «Вакханкой молодой она ко мне пришла...» и «Как сон пройдут дела и помыслы людей...».

Книга поступила в продажу в начале октября 1887 года, в ближайшие недели на нее откликнулись газетные рецензенты, основная масса статей и заметок в «толстых» журналах («Русской мысли», «Русском богатстве», «Северном вестнике», «Вестнике Европы», «Деле») последовала в книжках за ноябрь–декабрь 1887-го и первых выпусках 1888-го.⁹ Сборник был встречен по преимуществу сдержанными и негативными отзывами как со стороны народнической и либерально-демократической печати, так и консервативной.

Минский, Волынский и Л. Гуревич образовали дружеский кружок — «тройственный союз», который Минский называл мистическим. Подробно см.: К истории раннего русского символизма: Переписка Л. Я. Гуревич с Н. М. Минским / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2024 г. СПб., 2024. С. 268–387.

⁶ Библиография по истории журнала обширна, см.: История русской литературы XIX — начала XX века. Библиографический указатель. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993. С. 402–404; Богомолов Н. А. Печать русского символизма. Saarbrücken, 2012. С. 99–100; в прим. к кн.: Куприяновский П. В. «Оглядываясь на прошлое...»: Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009; из позднейших работ: Богомолов Н. А. В Ясной Поляне 125 лет тому назад // Русская литература. 2018. № 3. С. 170–180; Азодовский К. М. Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик // Русская литература. 2021. № 1. С. 121–145; Павлова М. М., Богомолов Н. А. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19). С. 8–60; Павлова М. М. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая // Там же. № 3 (21). С. 108–154.

⁷ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 102. В архивной описи документ значится как письмо к неустановленному лицу.

⁸ Вересаев В. В. Литературные воспоминания // Вересаев В. В. Собр. соч.: В 5 т. / Подг. текста и прим. В. М. Нольде и Ю. У. Бабушкина. М., 1961. Т. 5. С. 264, 267–268 (гл. «В студенческие годы»).

⁹ См.: Сапожков С. В. Библиография Н. М. Минского. Части 2–3 // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 337–338.

В литературной биографии Минского был эпизод, отчасти предопределивший прохладный прием книги. Летом 1884 года поэт принял участие в дискуссии о задачах науки и искусства, инициированной И. Ясинским в киевской газете «Заря» (июль–август).¹⁰ В опубликованной в ходе дискуссии статье «Старинный спор» (29 авг. № 193. С. 1)¹¹ он высказал ряд суждений программного характера: «Наука раскрывает законы природы, искусство творит новую природу. Творчество существует только в искусстве»; «...русская муза стала в действительности служанкой торжествующей публицистики»; «Всякий критик или публицист есть, в сущности, по выражению В. Г. Белинского, недоношенный художник, и когда публицист, питающийся крохами со стола поэзии, решается предписывать поэзии законы и даже требовать, чтобы поэты творили свои произведения по ее образу и подобию, то поистине приходится сказать, что яйца курицу учат. Но бывают эпохи, когда вечное и чистое уступает на время место временному и суетному. Такую эпоху мы переживаем в последние тридцать лет. Вечные цели поэзии были забыты, и сами поэты думали, что они принесут больше пользы своей родине, если вместо того, чтобы свободно творить, станут поучать и резонировать» и т. п. Статья получила отрицательный резонанс в народническом лагере, ее восприняли как отход от идеалов общественного служения и апологию «чистого искусства».

Эти обстоятельства повлияли на критическую оценку книги. В совокупности отзывов проглядывают две тенденции: одни рецензенты не могли простить Минскому статьи «Старинный спор» и исходя из этого судили о его поэзии; другие — открыто или завуалированно переводили осуждение в национальную плоскость — протестовали против ассимиляции русских евреев и нарождавшейся русско-еврейской культуры, проникновения в отечественную словесность так называемого инородческого элемента. «Смущаться враждебным отношением большинства критиков ему (Минскому. — М. П.) нет причины, — писал К. К. Арсеньев. — Одни произнесли суровый незаслуженный приговор не лично над ним, а над всей молодой русской поэзией. Даже над всей русской жизнью; это осуждение имеет слишком общий характер, чтобы быть чувствительным для каждого из осужденных. Другие приложили к нему узконациональный масштаб, оценивая его не столько по тому, что он сделал, сколько по справкам, наведенным о происхождении; такая оценка упадет всей своей тяжестью на голову самих критиков».¹²

Обе отмеченные тенденции в той или иной степени сказались в рецензии А. М. Скабичевского.¹³ Это было первое пространное высказывание о сборнике, к тому же прозвучавшее из уст литературного «властителя умов», бывшего сотрудника «Отечественных записок», убежденного защитника утилитарной эстетики, который своим пафосом, подобно камертону, настроил голоса рецензентов (укажем, к примеру, «интонационно» преемственные статьи «Наши теперешние стихотворцы» Л. Оболенского¹⁴ и «Потуги творческого бессилия» Д. Рудина¹⁵).

Обозревая книгу Минского, Скабичевский аттестовал его поэтиком-лилипутиком, с «претензией на титанизм». Язык статьи изобилует уменьшительными суффиксами (многократно на разные лады варьируется слово «поэтик»), весь тон рецензии отдает ёрничеством и издевкой («Муза г. Минского весьма серьезная, почтенная крошка, и надо ей отдать справедливость, пресимпатичная муза»; курсив мой. — М. П.). Сильные стороны и явные поэтические достижения Минского в рецензии замалчиваются (Скабичевский не упомянул стихотворение «Как сон пройдут дела и помыслы

¹⁰ Подробно см.: Минц З. Г. Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Минц З. Г. Блок и русский символизм: Избр. тр.: В 3 кн. СПб., 2004. Кн. 3. Поэтика русского символизма. С. 150–161.

¹¹ Переизд.: Библиотека русской критики. Критика русского символизма. М., 2002. Т. 1 / Автор-сост. Н. А. Богомолов. С. 22–31.

¹² Вестник Европы. 1888. № 1. С. 462–463 (подп.: К. К.).

¹³ Новости и Биржевая газета. 1887. 5 нояб. № 304. С. 2; 12 нояб. № 311. С. 2. Далее в тексте рецензия Скабичевского цитируется по этому изданию.

¹⁴ Русское богатство. 1887. № 12. С. 193–215.

¹⁵ Дело. 1888. № 1. С. 38–76.

людей...»), нивелируются или искажаются, слабые выделяются как достоинства (прием, рассчитанный на эффект подслащенной пилюли). По этому поводу Н. К. Михайловский заметил: «Некто пишет мне, что фельетон г. Скабичевского неприятно поражает не тем, что он обзывает все и всех лиллипутами (так!), а тем, что он делает, „точно именины сердца празднует“». ¹⁶

Скабичевский декларировал: «Наша эпоха не есть эпоха крупных и громких событий и великих людей. Наша эпоха скромная, тихая, воды не замутящая, а главное дело — все в ней, на что ни взгляните, до последней степени миниатюрно, точно как будто это не настоящая действительность, а так, какая-то модель или игрушка, сделанная к вербам: в миниатюрных домиках копошатся маленькие козявочки, воображающие, что они представляют собою как есть настоящее человечество, миниатюрные бюрократики, миниатюрные прокурорчики, миниатюрные публицистики, миниатюрные беллетристики, миниатюрные поэтики, миниатюрные критики. <...> Да не посетует на меня г. Минский, если и я, микроскопический фельетонист нашего лиллипутского поколения, и на него буду смотреть не как на настоящего поэта, какие и на Западе, и у нас бывали в иные времена, а как на миниатюрного поэта в общем уровне нашего века. Пусть он будет спокоен, не он один является перед нами с такою уменьшительною кличкою. Она вполне приложима и ко всем собратам (так!) его, не исключая и Надсона, несмотря на то что последний одним махом выдержал шесть изданий. ¹⁷ Необычайный успех Надсона показывает лишь одно: именно, что лиллипутская публика обрела поэта по своему росту и возлюбила его. <...> Да не огорчится и г. Минский, если я его считаю не поэтом, а поэтиком. Это я делаю вовсе не ради унижения его <...> цель — искреннее желание принести г. Минскому посильную пользу с своей стороны: самая же большая услуга, какую я в силах оказать ему, это довести его до истинного самосознания относительно своих сил. <...> Настоящая сфера г. Минского — это антология; для возбуждения поэтического творчества г. Минский нуждается непременно в каком-нибудь внешнем явлении жизни, которое так или иначе поразило бы его и вокруг которого он мог бы сгруппировать целый ряд своих ярких образов и тихих меланхолических раздумий. Поэтому ему следовало бы совсем оставить в покое свое собственное я, вполне отрешиться от себя, от тех личных и субъективных страстей, которые составляют внутреннюю интимную жизнь его сердца, а посвятить свое творчество исключительно изображению окружающих его явлений жизни и тех чувств, тех мыслей, какие эти явления вызывают». (Самым выразительным, с этой точки зрения, критик нашел стихотворение «Засуха» (1879) — в письме к Гуревич Минский назвал эту раннюю пьесу «одним из самых мелких стихотворений»). ¹⁸

В таком же язвительном ироническом духе Скабичевский характеризовал поэтическую индивидуальность Минского, владение стихом и русской речью: ¹⁹ «Досаднее всего при этом-то, что видишь перед собою поэта, который так презрительно относится ко всему человечеству со всеми его радостями и скорбями, томится тоскою такою

¹⁶ Н. М. [Михайловский Н. К.]. Дневник читателя: Кое-какие итоги // Северный вестник. 1888. № 1. Отд. II. С. 130.

¹⁷ При жизни С. Надсона вышло пять изданий его книги «Стихотворения»: 1-е изд.: 1885; 2-е, 3-е, 4-е и 5-е изд.: 1886 (на обложке 5-го изд. стоит 1887 год); 6-е (посмертное) изд.: 1887. В статье «Нечто о полемике и о поэзии» Михайловский приводит дополнительные сведения: «Шестое издание стихотворений Надсона (2.000 экземпляров) было буквально расхватано в три-четыре месяца. Литературный фонд, которому, по завещанию покойного, принадлежит право издания его сочинений, немедленно приступил к седьмому изданию в количестве 6.000 экземпляров» (Михайловский Н. К. Собр. соч. СПб., 1897. Т. 6. С. 586; впервые: Северный вестник. 1888. № 2. Отд. II. С. 160).

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 56 (письмо от 12 ноября 1887 года).

¹⁹ Впоследствии критики не раз отмечали встречающиеся у Минского языковые погрешности, но, как правило, эти замечания были уравновешены признанием объективных достоинств его поэзии. См., например, письмо В. Я. Брюсова к П. П. Перцову от 25 февраля 1896 года и прим. к нему: Лит. наследство. 2023. Т. 113. Валерий Брюсов и Петр Перцов. Переписка 1894–1911 гг. / Сост., вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова; подг. текста Ю. П. Благоволиной, А. В. Лаврова, Т. В. Павловой. С. 158–159, 162.

всеобъемлющую, что одно только Небо в состоянии почтить и измерить ее, — а сам, между тем, до сих пор не научился еще владеть стихом вполне правильно и без запинки и беспрестанно путается в обилии местоимений, союзов или допускает ударения совсем не там, где бы им следовало быть». В заключение Скабичевский высказал «искреннее желание»: «...пусть г. Минский, скромно сознавши, что он не поэт в настоящую величину, а поэт, неуклонно держится в своих определенных размерах, не становится на ходули, не изображает из себя титана, скорбь которого доступна одному Богу и который способен ветры превращать в ураганы или останавливать звезды на небе... Он не создаст ничего нового, но <и> не произведет ничего смешного, а напишет несколько вещей истинно поэтических, которыми будем наслаждаться мы, маленькие люди, под рост г. Минскому» и т. п.

В тот же день по прочтении рецензии Минский писал Л. Гуревич: «...мне принес ли газеты — и я прочел фельетон Скабичевского — и душа моя на весь день болезненно сжалась. Презираю я от души эту писаревскую закваску говорить о поэзии и поэтах с разнузданной небрежностью, вывалить в грязи на потеху публики имя поэта. <...> душа моя болезненно сжалась от слов Скабич<евского>, как будто меня обнимал и целовал безобразно-пьяный человек».²⁰

Гуревич советовала не отвечать на пасквильный фельетон, тем не менее Минский отправил в газету О. К. Нотовича, напечатавшую рецензию, «Открытое письмо» с требованием публичного извинения. Приводим текст по автографу из архива Скабичевского:

«6 ноября 1887 г. Спб. Б. Итальян<ская>, д. 15, кв. 12

Открытое письмо г. Скабичевскому

Милостивый государь Александр Михайлович,

Пишу Вам это письмо, до глубины души огорченный и оскорбленный Вашим „хвалебным“ фельетоном. Ругай Вы меня, признай Вы меня писателем без дарования или вредным, — я бы, конечно, молчал. Ваша обязанность публично казнить все, что Вам кажется бесчестным или бездарным. Но признавать мою музу „серьезной крошкой, пресимпатичной“, признавая половину моей книги, состоящей из „стихотворений глубоко прочувствованных, пережитых, в которых г. Минский является поэтом в истинном смысле этого слова“,²¹ — за что, скажите, за что Вы публично оскорбляете меня, за что Вы с бесцельною жестокостью казните меня, применяете ко мне позорную кличку „поэтика“? Разве Ваше сердце и Ваш такт не подсказали Вам, что есть слова, от которых нельзя производить „уменьшительные клички“, не нанося смертельного, неизгладимого оскорбления? Неужели Вы бы не обиделись смертельно, если бы я, желая Вас умеренно похвалить, печатно высказал, что Белинский был честный человек с отзывчивой душой, а г. Скабичевский — *честный* человек с отзывчивой *душонкой*? Неужели Ваши друзья не возмущались бы, если бы после Вашей смерти, случайно совпавшей с годовщиной смерти Пушкина, Ваши литературные приятели воскликнули печатно: умер писатель, умер *писателишко*! А ведь кличка „поэтик“ еще обиднее, ибо она применяется к человеку, живущему сердцем и фантазией, более чувствительному, чем все люди, более других нуждающемуся в мягком и симпатичном отношении к себе.

Вы в своем фельетоне и себя называете лиллипутским писателем, но известно: унижение паче гордости. Не будь я уверен в Вашей честности, я бы Ваше самоуничижение принял за комедию, равно как похвалы, расточаемые мне Вами в том же фельетоне за то, что я не пишу пасквилей в стихах, что я не гаерничаю в угоду газетной публике, словом, за то, что моя муза чем-нибудь да отличается от музы Буренина.²² Но

²⁰ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 20.

²¹ Текст, заключенный в кавычки, — цитаты из статьи Скабичевского (далее не оговариваются).

²² Буренин Виктор Петрович (1841–1926) — литературный и театральный критик, поэт; ведущий публицист «Нового времени», известный своими скандальными фельетонами и пародиями на современных писателей.

если Вы не играли комедию, а в самом деле хотели меня умеренно похвалить, отчего же Вы сделали так, что, прочитав Ваши умеренные похвалы, я почувствовал себя дурно, словно вырвался из объятий безобразно-пьяного, облаканный и в то же время облёванный им с головы до ног?

Что означает эта бесцельная жестокость, эта разнузданность языка, этот мучительский, пыточный тон по отношению к писателю, который, по Вашим же словам, относится к своим силам „серьезно и честно“!.. Я Вам скажу, сударь, что это означает: это означает российское самодурство, перенесенное из лабаза в литературу. Что такое самодурство, как ни бесцельное мучительство, издевательство над человеческим достоинством незащитных людей? Вы хорошо понимаете, что писатель (беллетрист, поэт) незащищен перед Вами, оттого Вы над ним и тешитесь, даже и тогда, когда сами признаете его честным, серьезным служителем слова. Внутренней порядочности, составляющей щадить человеческое достоинство всякого честного человека, даже случайно очутившегося в Вашей власти, — в Вас нет и следа!

И как подумаешь, что так пишут литературные друзья, стоящие с тобою под одним знаменем, чувства которых ты отражал в своих стихах, страданиями которых ты больше страдал, чем они сами! Счастливый Надсон, рано сбросивший с себя непосильный, мучительный крест русского поэта, смертью освобожденный от этой позорной и тягостной жизни, от этого изнеможания под когтями „независящих обстоятельств“, доносами Мещерских,²³ пасквилями Бурениных и разнузданным, бессмысленно-жестоким издевательством друзей, „чуждых желания унижить“...

Если Вы, в самом деле, писатель, а не писателишко, если Вы честный человек с душою, а не человек с душонкой, то пусть Вам по прочтении этих строк станет стыдно до боли, до слез...

Н. Минский.

НВ. Прочтите, как „Новое Время“ в сегодняшнем номере воспользовалось Вашими умеренными похвалами, расточаемыми мне. Позор, позор, позор Вам!

6 ноября 1887 г.». ²⁴

В анонимной заметке «Нового времени», усугубившей впечатление поэта от статьи Скабичевского, сообщалось: «Г. Минскому повезло. Об его стихах говорят и „Новости“ устами г. Скабичевского. Правда, стихами этими г. Скабичевский недоволен, находя, что они отличаются „детским гимназическим характером“ и „вязнут у него во рту“: до того хороша их форма! <...> Для него Минский „не поэт, а поэтик“, „лиллипутский поэт“»; в заключение автор напутствовал читателей не возносить «современных божков» — Надсона и Минского.²⁵

7 ноября Минский получил телеграмму от Нотовича — в ответ на посланное в редакцию его газеты «Открытое письмо». Неудовлетворенный этим ответом, он в тот же день писал ему:

«7 ноября <18>87

Б. Итальян<ская> д. 15 кв. 12.

Многоуважаемый Осип Константинович,

Судя по Вашей телеграмме, Вы сочли неудобным сделать публику судьей между мною и насмехавшимся надо мною критиком; взамен этого Вы мое открытое письмо г. Скабичевскому отправляете ему же с просьбой поговорить о письме в следующем фельетоне. Таким образом г. Скабичевский становится судьей в собственном деле и получает возможность, выдернув произвольно из моего письма несколько цитат, вторично надругаться надо мною и истерзать мое сердце своею тупою спесью и непониманием.

²³ Мещерский Владимир Петрович, кн. (1839–1914) — публицист, прозаик, в 1872–1914 годах издатель и редактор ультраконсервативной газеты «Гражданин».

²⁴ ИРЛИ. Ф. 283. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 1–2.

²⁵ Среди газет и журналов // Новое время. 1887. 6 (18) нояб. № 4199. С. 2 (без подп.).

Я не знаю, Осип Константинович, как Вы лично относитесь ко мне, т. е. к моей литературной деятельности. Если Вы ни во что не цените моего дарования, тогда, конечно, я теперь должен Вам казаться навязчивым и неприятным, обуреваемым мелким авторским самолюбием. Но если Вы признаете во мне искру божью, если я хоть одним стихотворением, одним стихом когда-нибудь взволновал или тронул Вас, — тогда Вы согласитесь, что я в самом деле бесцельно и жестоко оскорблен гаерским тоном Скабичевского, что я имею право на удовлетворение, и что этого удовлетворения мне никак не может дать Скабичевский в своем будущем фельетоне.

Взгляните на дело беспристрастно, со стороны, и Вы увидите, что Скабичевский тут не судья. Бог его знает, может быть, он на самом деле „а honorable man“, ²⁶ хотя отношение его к молодой литературе более чем странно. Как может честный критик одного и того же писателя сегодня хвалить, а через две недели ругать? Между тем Скабичевский сделал это с Фофановым, расхвалив его у Вас и обругав в „Сев<ерном> Вестнике“, ко всеобщему изумлению всей молодой литературы. ²⁷ Отношение же Скабичевского ко мне в особенности нельзя назвать ни честным, ни порядочным. Судите сами. Давно ли он признал Надсона (и вполне, по моему мнению, заслуженно) поэтом душевной красоты, стихи которого будут жить до тех пор, пока будет звучать русский язык? ²⁸ Вяжется ли это определение Надсона с кличкой поэта, лиллипутика? А между тем Скабичевский, забыв собственные восторги, теперь угощает Надсона этими кличками, лишь бы иметь право безнаказанно поглумиться надо мною и больнее уязвить меня. Честный ли это критический прием? И не только Надсона, но все и всех согласен Скабичевский принизить и умалить для этой цели — и даже самого себя признать (конечно, на время, до минования надобности) лиллипутским критиком! Странная манера наносить удар сзади, третировать людей с высоты своего собственного ничтожества! Отказываюсь понять, каким образом у Вас в газете могла появиться такая нелепая тирада, будто в наше время все — и публицистика, и философия, и беллетристика, и читающая публика — все лиллипутски ничтожно и мелко. Да ведь это вздор и ложь! И прежде всего, разве Вы считаете лиллипутски мелким себя самого, свою эрудицию, свои философские труды, ²⁹ свое цельное мирозерцание? Смешон и мизерен один только Скабичевский со своей презренной писаревской отрывкой, со своей самоудурной спесью, воспитанной в известном литературном лабазе, в котором молодцы признавали за людей только друг друга и с<п>ьяну гоготали над всяким, проходившим мимо. Ведь если бы газете, равно как природе, не был присущ horror vacui, ³⁰ разве эта критическая мокрица ползала бы теперь по молодой литературе, слюнявя ее

²⁶ достопочтенный, благородный человек (англ.)

²⁷ Имеются в виду рецензии Скабичевского на первый поэтический сборник Константина Михайловича Фофанова (1862–1911) «Стихотворения» (СПб., 1887): Новости и Биржевая газета. 1887. 26 февр. (10 марта). № 55. С. 2; Северный вестник. 1887. № 4. Отд. II. С. 105–106. В газетной рецензии критик отозвался о книге более или менее сдержанно: отметив несомненный талант поэта, указал на достоинства сборника («Стихи г. Фофанова, в общем, не лишены и звучности, и легкости, и своеобразной красоты») и на «вопиющие недостатки» («крайняя небрежность», «плоскость и пошловатость», «наивность» — «словно это стихи гимназиста четвертого класса»). Основной тезис журнальной рецензии заключен в первой фразе: «Книга эта представляет собою большую сорную кучу».

²⁸ Скабичевский А. Литературная хроника // Новости и Биржевая газета. 1887. 29 янв. (10 февр.). № 28. С. 2. В статье критик выступает в защиту Надсона от грубых оскорблений его памяти, травли и нападков на него «пасквилянтов „Нового времени“» — А. С. Суворина и В. П. Бурунина, которые «не допускают расцвести ни одной новой силе в нашей литературе и каждый молодой всход спешат затоптать в грязь и уничтожить» («Но пусть Надсон — пигмей перед Пушкиным, а он, все-таки, был человек, и если вы не разделяли с публикой всех ее надежд на молодого поэта, то вы обязаны были, все-таки, пощадить в нем человеческое достоинство. <...> Вы же напали почти на ребенка, на беззащитного страдальца, прикованного к своему смертному одру, как жалкие трусы, рассчитывая в этом случае на полную безнаказанность»).

²⁹ Имеются в виду книги О. К. Нотовича «Немножко философии. Софизмы и парадоксы. По поводу религиозно-философских произведений гр. Л. Н. Толстого» (СПб., 1886) и «Еще немножко философии (К вопросу о свободе воли). Софизмы и парадоксы» (СПб., 1887).

³⁰ боязнь пустоты (лат.)

во имя Пушкина, как во времена оны она слюнявила Пушкина — уж не знаю во имя чего! Взгляните на последний фельетон Скабичевского, как на критический отзыв — и оторопь возьмет Вас! Чего там не нагорожено! Что если бы я серьезно хотел почерпнуть для себя урок в этом фельетоне, — что было бы со мною! Из него я, во-первых, узнаю, что преобладающие свойства моей музыки, это — „тихие, меланхолические раздумия“ и „яркая образность“, а через несколько строк оказывается, что лирика мне совершенно чужда; моя область — антология (!!!), между тем моими лучшими стихотворениями, „глубоко прочувствованными, пережитыми“, признаются „Белые ночи“, „Песни о родине“, „На чужом пиру“, т. е. пьесы насквозь лирические? Хороша антология и хороши критические советы! Благо, за этим поводом никто не пойдет!

Но всего возмутительнее высокомерие и нахальство, с которым лиллипутный критик укоряет меня в том, что вот я скорблю мировую скорбью, а сам еще „не владею стихом, путаюсь в обилии местоимений, союзов и допускаю ударения не там, где следует“. Не правда ли, такие обвинения, бросаемые в лицо поэту, должны быть подкреплены доказательствами. Вот какие примеры приводит Скабичевский в доказательство того, что я не владею стихом:

1) В могиле того, над кем плачет страна,
Грядущее спит, как дитя в колыбели.³¹

Сказать по совести, Ваше ухо оскорблено этими стихами? Вы находите „ужасными“ слова: *над кем*? Убейте меня, не понимаю, чем эти стихи неправильны. Также Скабичевский находит ужасными стихи:

Что не для наслаждений вечных
На свет все люди рождены...³²

Первый стих, по его словам, „вянет во рту!“. Во рту у Скабичевского?

Он пишет: у него во рту
Завял мой стих... И что за диво!
Дыханье тупости кичливой
Всегда мертвило красоту...³³

А вот еще стихи, ужасающие Скабичевского своею бессмыслицей:

Наставники мои! О Пушкин величавый,
Мятежный Лермонтов! *Давно ль* вас гений славы
Бессмертьем увенчал, а *между тем* вы мне
Певцами кажетесь счастливейших столетий...³⁴

По мнению Скабичевского, эти стихи столь же бессмысленны, как если бы кто сказал: „*давно ль* я вас встретил, а *между тем* у меня печка топится“. ³⁵ Может ли быть что-нибудь яснее смысла этих стихов? *Давно ли* прославились Пушкин и Лермонтов, а *между тем* они уже кажутся певцами не нашего злосчастного века, а других, счастливейших столетий?

Но довольно... Мое негодование становится равносильным тупоумию и нахальству Скабичевского.

³¹ Последние строки стихотворения Минского «Над могилой К. Д. Кавелина (7 мая 1885 г.)» («Еще один светоч погас...»), впервые: Вестник Европы. 1885. № 6. С. 811.

³² Цитата из стихотворения Минского «На чужом пиру» («Я видел праздник на чужбине...»), 1880; впервые: Там же. 1880. № 11. С. 151–157.

³³ Оказиональная эпиграмма Минского на Скабичевского.

³⁴ Первые строки стихотворения «Наставники мои! О Пушкин величавый...» (1885), впервые: Минский Н. Стихотворения. СПб., 1887. С. 58–59.

³⁵ Цитата из рецензии Скабичевского.

Если Вы находите меня неправым, faites l'incident clos.³⁶ Если же Вы мне сочувствуете и признаете за мною право на удовлетворение, отдайте мою книгу разобрать беспристрастному критику. Лучше всего Вы могли бы сами это сделать, ибо я, насколько себя понимаю, поэт скорбной мысли; увы, ничто так не раздражает неучей и самодуров, как свободная и гордая мысль. Во всяком случае умоляю Вас: не дайте Скабичевскому вторично глумиться надо мной! Я этого не заслужил ни своей жизнью, ни своими стихами.

Искренне уважающий Вас

Виленкин».³⁷

Полный текст «Открытого письма» в газете так и не появился, фрагмент из него Скабичевский привел в следующей статье (в продолжение первой) — «Литературная хроника: Открытое письмо г. Минского ко мне и мое с ним объяснение по поводу его», в которой вновь муссировал суждение о мизерабельности дарования поэта: «Поэтики это вовсе не есть принадлежность одной нашей эпохи. Всегда рядом с титанами, каковы были Пушкин и Лермонтов, рядом с поэтами, каковы были Некрасов, Плещеев, Ап. Майков, Як. Полонский и пр. — был целый рой поэтов, наполнявших своими стихами журналы и газеты. О титанах мы говорить уже не будем, но вот какую существенную разницу ставлю я между поэтами и поэтиками. Каждый поэт, во-первых, имеет резко выраженную, определенную физиономию: вы, например, не смешаете Некрасова с Плещеевым; Як. Полонского — с Фетом и Майковым <...> каждый поэт имеет свое, хотя бы маленькое место в истории литературы, определяющее, что этот поэт внес в сокровищницу российской словесности, что он создал хотя бы и маленькое, но лично ему неотъемлемо принадлежащее.

Совсем не таковы поэтики: во-первых, вы не отличите их одного от другого; все они представляются чирикающими воробьями, две капли воды похожие друг на друга; правда, у них вы найдете кое-какие особенности; у одного, например, более чувства, у другого — фантазии, третий предпочитает ямб, четвертый — анапест. Но эти отличия не составляют индивидуального характера. Поэтики часто стараются выразить в своих стихотворениях идеи и дух своего века, но в этом отношении они представляют или слабые отголоски настоящих поэтов, которым подражают, или же выражают дух века крайне отвлеченно и банально. Но ведь нельзя сказать, чтобы они были бездарны; некоторые из них поют очень приятно и слушать их можно иногда не без удовольствия <...>.

Так вот что, собственно, хотел я сказать, называя г. Минского поэтиком, и не одного его, а всех его сверстников; именно то, что если у нас и есть настоящие поэты, то все они принадлежат к прошлому времени и ныне, по большей части, безмолвствуют... <...> Симпатичнее всех из них был Надсон и всех более обещал сделаться настоящим поэтом, но, ведь, и он не успел еще выработать какого-либо определенного индивидуального характера своих стихов».

Отвечая на реплику Минского из «Открытого письма» («И как подумаешь, что так пишут литературные друзья, стоящие с тобою под одним знаменем...»), Скабичевский не преминул припомнить ему статью «Старинный спор»: «...я и не знал, что г. Минский стоит под одним со мною знаменем, не предполагал, чтобы г. Минский стоял под каким бы то ни было знаменем. Я помню и никогда не забуду тяжелой, мучительной для всех честных литераторов минуты...³⁸ И вот, в эту-то минуту, словно ради еще большего ее утяжеления, вдруг выступает на страницах „Зари“ г. Ясинский, с торжественным отречением от всех лучших заветов прошлого, глумясь над наукой, знанием,

³⁶ инцидент исчерпан (фр.)

³⁷ РГАЛИ. Ф. 339. Оп. 1. Ед. хр. 66.

³⁸ Речь идет о закрытии по личному распоряжению начальника Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова журнала «Отечественные записки» (с 1878 года выходил под редакцией М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. К. Михайловского); Скабичевский был постоянным сотрудником журнала с начала 1860-х годов.

необходимостью для каждого честного писателя иметь направление.³⁹ Вслед за г. Ясинским выступил в той же „Заре“ и г. Минский, и, в подтверждение глумления г. Ясинского, провел ту доблестную идею, что поэты не нуждаются ни в каких науках, потому что искусство куда выше всех наук: ученые только и делают, что изучают наш тленный мир; поэты же творят новые миры; что же касается критиков, то не они создают поэтов, а, напротив, поэты вызывают критиков; и поэтому критики, дерзающие предписывать поэтам какие-либо законы, уподобляются яйцам, учащим куриц. <...> Этот фельетон г. Минского очень пришелся по душе большинству молодых поэтиков, плохо в детстве учащихся и потому не питающих уважения к наукам»⁴⁰ и т. д.

Гуревич сочла «Открытое письмо» «ужасной психологической ошибкой» Минского: «Зачем Вы написали Скабичевскому, да еще в таком искреннем и мягком тоне? <...> Неужели Вы, глядя на него сверху вниз, нисколько не дорожа его суждением, — все-таки могли „огорчиться“ его словами — зачем Вы снизошли до объяснения с ним и обнаружили свою рану! И потом Вы взяли такой неосторожный тон в письме: Скабич<евский> виноват не тем, что употребляет слово, огорчающее Вас в качестве „человека, живущего сердцем“, а тем, что подходит с глупой *предвзятой* меркой к произведениям современных поэтов, с пошлой тенденцией о „литературном времени“. <...> В этом фельетоне он уже так явно, *для всех* явно, хватил через край! Оставьте его в этом дурацком положении, с разинутым для декламации ртом: он конечно ждет еще письма от Вас, ждет, как радость, как повода еще раз прогуляться по столбцам „Новостей“ в этой прекрасной мантии!..»⁴¹

13 ноября Минский писал в ответ: «Совет Ваш получил я сегодня, когда ответ Скаб<ичевскому> уже был отправлен. <...>. Читали Вы вчерашний „Гражданин“?»⁴² 12 ноября в ультраправой газете Мещерского появилась рецензия на книгу Минского; по мнению автора, весь сборник «есть только тенденциозная брань на действительность, на Россию, „стихотворная прокламация“. <...> Он не понимает русского народа и относится к нему с глумлением. <...> Это пишет космополит; раб заученных теорий и личных страстей. <...> Нет, здесь не может быть и речи о законах искусства потому уже, что здесь нет искусства, нет поэзии. <...> Минский — не поэт, его стихи не есть произведение искусства».⁴³

В тот же день Минский отправил Нотовичу второе «Письмо в редакцию», которое на сей раз было опубликовано:

«М. г. Мое открытое письмо г. Скабичевский напрасно превратил в полуоткрытое, напечатав лишь его начало — то место, по которому читатели могут предположить, будто я писал с целью разжалобить его. Прочитавши письмо до конца, г. Скабичевский, конечно, знает мое намерение.

Г. Скабичевский удивляется, почему я один обиделся кличкой, которую он применяет не мне, а ко всем стихотворцам. Но из этого он не мог бы заключить, что я обиделся не за себя. В самом деле, кличка „поэтик“, применяемая к такому глубоко-симпатичному и чудному поэту, как Надсон, кажется мне, по меньшей мере, странной, хотя я не менее г. Скабичевского почитаю Полонского и Майкова.

Не в этом дело, я бы оставил без внимания ответ г. Скабичевского, если бы он ограничился в нем рассуждениями рецензентского свойства, но он, сверх того, обронил неосторожную фразу, будто бы он „не предполагает, чтобы г. Минский стоял под каким бы то ни было знаменем“ и что воздерживается от решения того, „под каким знаменем стоит г. Минский“.

³⁹ Имеется в виду статья И. Ясинского «По поводу отрывка из неизданной „Исповеди“ графа Л. Н. Толстого» (Заря. 1884. 22 июля. № 163. С. 1–2), которая положила начало дискуссии о науке и «чистом искусстве». Скабичевский выступил с критикой позиции Ясинского (см.: Русские ведомости. 1885. 22 марта. № 79. С. 1–2).

⁴⁰ Новости и Биржевая газета. 1887. 12 нояб. № 311. С. 2.

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 214. Л. 57 (письмо Л. Гуревич от 12 ноября 1888 года).

⁴² РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 14.

⁴³ Гражданин. 1887. 12 нояб. № 43. С. 3 (подп.: Кр.).

Мне совершенно безразлично, как г. Скабичевский смотрит на мои стихи, какие из них „вязнут у него во рту“ или „вязнут на зубах“, но я не могу допустить голословных сомнений в том, стою ли под каким бы то ни было знаменем. Он строит свои выводы на моем фельетоне, помещенном в „Заре“ (1884 г., № 193). Фельетон этот касался вопроса чисто-эстетического, — об отношениях между наукой и поэзией. Я находил, что ученый и художник действуют каждый в своей области, первый разъясняет существующий мир, а последний творит новый мир, свободно отдаваясь своим вдохновениям. При чем тут „глумление над необходимостью для каждого человека иметь направление“?

„Значение поэзии для жизни громадное и польза ее неизмеримая“, писал я в фельетоне, на который ссылается г. Скабичевский. „Поэзии мы обязаны лучшими движениями сердца — и самая любовь к людям есть мечта, впервые зачатая в благородной душе поэта“.

Эти слова повторяю я и теперь.

Н. Минский

12-го ноября 1887 г.»⁴⁴

На следующий день поэт написал Скабичевскому (ответа не последовало; на этом их переписка закончилась):

«13 ноября <18>87 г.

Б. Итальянс<кая> д. 15, кв. 12.

Милостивый Государь
Александр Михайлович,

Что с Вами, что с Вами приключилось! Меня обвинять в неимении политического знамени! Меня, стихи которого дважды были уничтожены цензурой, против которого после сожжения книги было начато дело „по обвинению в политической неблагонадежности“. Или Вы этого не знали, или Вы ослеплены личною враждою? Посылаю Вам для ясности вечерний № „Гражданина“. Неправда ли, это весьма мило: Мещерский, называющий мою книгу сплошной стихотворной прокламацией, и Вы, обвиняющий меня в неимении знамени. Бывают же такие курьезы! Меня все уверяли, что Вы честный человек. Хотелось бы верить, но Вы делаете все, чтоб пошатнуть эту веру. Перед Вами лежит книга, от первого до последнего слова проникнутая известными политическими идеалами, а Вы с каким-то слепым упорством твердите свое, потому что я держусь пушкинских традиций во взглядах на назначение поэта. Что это! Непонимание? Легкомыслие? Недобросовестность?

И затем история с поэтиками! Разве Вы не видите, что это слово нас оскорбляет, как безобразное, неэстетическое. Зачем Вы оскорбляете наши чувства? Разве Ваши читатели потеряли бы что-нибудь, если бы Вы щадили не наше самолюбие, поймите же наконец — наши нервы!

Ведь Вы хотите нам пользу принести, а если бы Вы знали, как Вы вредите! Тут дело не в Вас, а в трибуне, с которой Вы говорите. Вы делаете нас *смешными* в глазах читателей, между тем как на самом деле (Вы понимаете разницу между тем, что *есть*, и тем, что *кажется*?) не мы смешны, а Вы — со своим нелепым упорством и грубостью. Охотно допускаю, что мы — средние поэты, небольшие поэты, обыкновенные дарования — ничего в этом нет обидного. Но кличка Ваша, заимствованная у Буренина, отвратительна по своей грубости. Вы, конечно, будете *нарочно* дразнить нас, — на потеху литературных шулеров.

А, может быть, у Вас, в самом деле, веревочные нервы — и кличка „поэтик“ их не оскорбляет. Но тогда какое Вы право имеете разбирать *поэтические* произведе-

⁴⁴ Минский Н. Письмо в редакцию // Новости и Биржевая газета. 1887. 13 нояб. № 312. С. 2.

ния? Для этого ведь требуется и нежное сердце, и тонкое ухо, умеющее различать диссонансы.

Отлично вижу, что во всей этой истории я остался при печальном интересе. Но я поступал и говорил, как чувствовал. Что прикажешь делать при таких литературных нравах, где „открытые письма“ остаются закрытыми, где самодурство делается защищено монополией. Если бы Вы — стоящий под знаменем свободы — знали, сколько унижений я вынес, прежде чем Нотович согласился напечатать мой ответ Вам, и как этот ответ искромсан и обескровил его карандашом. — Только что прочел фельетон Буренина: „Теперь г. Скаб<ичевский> произнес именно то, что я всегда говорил“. ⁴⁵ Поздравляю Вас. Тем более что Бур<енин> вполне прав.

Н. Виленкин». ⁴⁶

В фельетоне Буренина речь шла, главным образом, о Надсоне, однако в контексте газетной риторики, часто соединявшей имена поэтов, Минский принял буренинскую сентенцию на свой счет (к тому же его имя в статье было упомянуто): «Быть первым стихотворцем среди разных мелких певцов, в роде Минского, Фруга, Мережковского и прочих, <...> — это вовсе не значит быть первым после Пушкина, как, положим, был Лермонтов <...>. — Никакой своей идеи в русскую поэзию он не внес, никаким своеобразием содержания и формы он не отличается настолько резко и определенно, чтобы в нем можно было приветствовать новую крупную поэтическую силу. <...> Русская поэзия не Надсонами держится и не такими поэтиками движется вперед», и далее по буренинским лекалам (во всем виноваты «психопаты и психопатки, жида и либералы»). ⁴⁷

22 ноября в «Недельной хронике „Восхода“» А. Е. Ландау появилась статья А. Волынского «Два слова о „жидовстве“ в русской литературе» (1887. № 47) ⁴⁸ — в защиту Минского. Еще до выхода тиража книги он поддержал товарища двумя положительными заметками, которые посвятил его библейским поэмам «Вавилонское столпотворение» и «Прокаженный», ⁴⁹ назвав их «лучшими созданиями молодой русской поэзии». ⁵⁰

Выстраивая линию «защиты», Волынский продемонстрировал вполне сложившийся взгляд на традиционную — «русловую» критику. Эта статья по своему бойцовскому мажорному заряду (что сказалось в заметно приподнятых оценках поэзии Минского) стоит особняком в ряду других критических отзывов на книгу, в том числе и позднейшей рецензии Волынского (на второе издание). ⁵¹ В ответ на филиппики Скабичевского и ксенофобские выпады ультраправой печати («Нового времени» и «Гражданина») он заявил, что книга русского еврея Минского — занимает достойное место в современной русской поэзии. Приводим текст статьи в полном объеме:

«Наша повседневная пресса успела уже высказаться о сборнике стихотворений Н. М. Минского. Как и следовало ожидать, петербургская печать отнеслась к оригиналь-

⁴⁵ Буренин В. Критические очерки: Скандал, шарлатанство, психопатия // Новое время. 1887. 13 (25) нояб. № 4206. С. 2 (ср.: Скабичевский «сам признал печатно, что эти „новые силы“ и „бесплодные всходы“ в сущности оказываются продуктами современного литературного бессилия и бесплодия, что эти силы — мелкота по сравнению с настоящими талантами, то есть признал именно то, что я всегда говорил...»). См. также прим. 28.

⁴⁶ ИРЛИ. Ф. 283. Оп. 2. Ед. хр. 136. Л. 3.

⁴⁷ Там же. О С. Г. Фруге см. прим. 54.

⁴⁸ В 1884–1888 годах Волынский печатался в русско-еврейских журналах «Рассвет», «Русский еврей» и «Восход». См.: Веккер Б. Библиография трудов А. Л. Волынского // Памяти Акима Львовича Волынского: Сб. под ред. П. Н. Медведева. Л., 1928. С. 83–84. Обзор публикаций этого периода см.: Толстая Е. Д. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волынского. М., 2013. С. 18–30.

⁴⁹ Волынский А. Библия в русской поэзии. Этюд второй // Восход. 1887. № 9. С. 64–74; [Волынский А.]. Заметки литературные, художественные и др. // Недельная хроника «Восхода». 1887. № 43 (25 октября). С. 1090.

⁵⁰ Волынский А. Библия в русской поэзии. Этюд второй. С. 74.

⁵¹ Живописное обозрение. 1888. № 35. С. 142–143 (подп.: А. Флексер).

ному дарованию поэта с тем легкомыслием, которое не выносит ничего серьезного, сильного, всего, что не укладывается в рамки опереточных понятий, что не потворствует грубым животным инстинктам полуинтеллигентной массы столичной. У Минского, с точки зрения господствующих теперь общественных и литературных нравов, два крупных недостатка. Во-первых, он еврей, и, во-вторых, он серьезен. Быть евреем — это у нас теперь большое несчастье. Талант, ум, образование — ничто не извинит вам теперь вашего „происхождения“. Широкие гражданственные и нравственные понятия — это такой вздор, который современный, в особенности петербургский интеллигент презирает со всею возможной искренностью, от всей своей изношенной и выдохшейся души. Скандал, оперетка, легкая музыка трактирного органа, пошлая мазня газетных порнографов — вот чем собственно занимают теперь несчастного русского читателя. И вдруг среди этой серой публики газетных литературщиков появляется человек *еврейского происхождения*, с горячим словом, с умом, воспламененным более или менее возвышенными стремлениями, — как тут не завопить: ату его! Фраза! Караул! Вольтерьянство! Один, печальной известности, критиканствующий фельетонист, по поводу стихотворений Минского — как это ни дико — заявил о развращающем влиянии жидовства на русскую литературу. Какая возмутительная нелепость! Газетный мужчина, совершенно оупевший от многолетних порнографических упражнений, паяц и гаер, аккуратно по пятницам хватающий за икры мимоходящую публику, без разбора пола и возраста, смеет говорить о чем-либо развращающем влиянии! Проституция, вопиющая о падении нравов — как вам это покажется! Г. Буренин в прошлом, кажется, году издал ничтожную книжицу под названием „Песни и шаржи“.⁵² Если вам попадалось на глаза собрание плодов жалкого, семинарского бессилия, то вы уже имеете представление о том, каково обычное, нормальное настроение этого типичного новременского писателя. Конечно, для человека *такого* вечно веселого настроения, всякая серьезная книга — хуже чумы, хуже смерти. Все, что будит в обществе здоровую мысль, бьет беспощадно по лицу всех этих гг. Бурениных, Сувориных, Жителей⁵³ и других делателей широких литературных порнографических скандалов.

Литературная деятельность Минского носит, в самом деле, черты национального характера, — но в этом вся его сила, вся оригинальность. Минский постольку еврей, поскольку он глубоко и страстно ищет нравственной свободы, поскольку он всей душой рвется к „несбыточным мечтам“ и способен создать себе „мираж среди пустыни бесконечной“. В этом смысле симпатичнейший автор „Прокаженного“ в большей степени еврей, чем Фруг,⁵⁴ которому стремление к красивой форме, во что бы то ни стало красивой, не позволяет развить в себе широкого мировоззрения. Мы не умоляем за слуг Фруга и его талант, к которому питаем глубокие симпатии, но справедливость все-таки требует сказать, что этому певцу страданий русского еврейства не достаёт глубины чувства и вдохновения, сильной мысли, и потому его значение, как в общерусской, так и в специально-еврейской литературе, должно, по необходимости, идти на убыль. Значение же Минского, при благоприятных условиях, будет с каждым годом возрастать и, без сомнения, дождется общего признания. Нас несколько не удивляет, что современная русская критика, за немногими исключениями, не способна с должным уважением отнестись к полной глубокого интереса книге Минского. Русловая

⁵² Сборник пародий Буренина «Песни и шаржи» (СПб., 1886).

⁵³ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — журналист, публицист, критик, с 1876 года издатель газеты «Новое время», в которой вел собственную рубрику «Маленькие письма». Под псевдонимом Житель публиковался Александр Александрович Дьяков (1845–1895), сотрудник «Нового времени».

⁵⁴ Фруг Семен (Шимон) Григорьевич (1860–1916) — еврейский русский поэт, постоянный сотрудник журналов «Восход» и «Недельной хроники „Восхода“»; близкий друг Волинского, который высоко ценил его поэтическое дарование, см.: *Волинский А. 1) Новый сборник стихотворений С. Г. Фруга (С. Г. Фруг. «Думы и песни».* Стих. 1884–1887) // *Восход*. 1886. № 11. С. 30–48; 2) *Библия в русской поэзии. Этюды* первый // Там же. 1887. № 7–8. С. 72–96.

критика, русловой читатель не способен оценить чувства, идущего из личной психики поэта, из его личного, *индивидуального* созерцания. Писатель должен говорить банальным языком улицы, если только он дорожит своею популярностью — это истина, конечно, старая, но ее нередко забывают люди, которых природа одарила не одним только талантом, но и сколько-нибудь оригинальным умом. Брошенный в глубь невежества современный читатель всего более жалуется на отсутствие „истинных талантов“ среди молодых писателей. Мы так приобвыкли к этому общему жужжанию руслового читателя, что и всерьез подумали, что весь вопрос только в том, как бы побольше талантов развести. Нет, господа, не в „таланте“ дело. Дух опошлился, идеи выдыхаются из литературы и жизни. Нет властной мысли, которая давала бы тон уму и сердцу. На место прежних идеалов воцарилась одна только неутолимая жажда чувственной красоты, изящных форм, непременно изящных, ради Бога — изящных. Сколько-нибудь оригинальная мысль — фраза, самое простенькое азбучное размышление — резонерство, глупенькая конфетная бомбоньерка — верх творчества и таланта. Мы не станем доказывать, что в произведениях своих Минский является носителем какой-нибудь особенной выдающейся идеи; но беспристрастная, а не пошло-шутовская, выскомерная с высоты своего собственного ничтожества, критика должна признать, что печать серьезного мышления постоянно выделяла их из необозримой массы совершенно индифферентного материала. Что делать!

Как еврей, Минский — прежде всего индивидуалистичен, и это мешает ему уловить господствующий тон, ходячие тенденции, приспособиться к дирижирующим понятиям и взглядам. Толпа требует, чтобы поэты воспевали ее мимолетные интересы и желания, а Минский на все шаблонные запросы отвечает словами, полными высокого, философского разочарования:

Как сон пройдут дела и помыслы людей,
Забудется герой, истлеет мавзолей.
И вместе в общий прах сольются
И мысли, и любовь, и знания, и права,
Как с аспидной доски ненужные слова,
Рукой неведомой сотрутся...

Это, конечно, такой ответ, смысл которого не всякому доступен и уж совсем недоступен людям, эстетическое и нравственное чувство которых предпочитает «стальные» носки Цукки и Лимидо⁵⁵ всем этим „глупым“, „несбыточным“ мечтам. По своему душевному и умственному развитию, Минский целую головой выше всей этой кишащей кругом литературной мелкоты, этих Андреевских, Апухтиных,⁵⁶ ретиво и убежденно воспевающих цыганские нравы и шансонетную добродетель, и нет ничего удивительного, повторяем, что при всеобщей низменности вкуса, такие стихотворения, как „Фантазия“, „Прокаженный“, „Молитва“, „Как сон пройдут дела...“ и др., должны возбудить недоумение и искренние жалобы на тенденциозное совращение с пробитого и привычного пути... Г. Буренин ошибся в слове: „жидовство“ не развращает, а *совращает*... Это правда, против которой мы спорить не станем.⁵⁷

⁵⁵ Цукки Вирджиния (1847–1930) — итальянская танцовщица, прима-балерина Мариинского театра в 1884–1888 годах. Джованнина Лимидо (1851–1890) — итальянская балерина, соперница В. Цукки, в 1887 году с большим успехом гастролировала в Петербурге. «Стальными» носками здесь названы пуанты, с металлическими вкладышами.

⁵⁶ Андреевский Сергей Аркадьевич (1847–1918) — поэт, литературный критик; юрист по профессии, автор единственного поэтического сборника «Стихотворения» (СПб., 1886; 2-е изд.: СПб., 1898); Апухтин Алексей Николаевич (1840–1893) — поэт, прозаик; в 1886 году выпустил свой первый сборник («Стихотворения»).

⁵⁷ Волынский А. «Два слова о „жидовстве“ в русской литературе» // Недельная хроника «Восхода». 1887. № 47 (22 ноября). С. 1189–1190. Буренин ответил Волынскому через год (в фельетоне по поводу второго издания книги Минского), позаимствовав лексику и образный ряд из статьи Скабичевского. См.: «Представьте себе, читатель, двух-вершковый пьедестальчик. На этот

С других позиций в защиту Минского выступил Н. К. Михайловский. В январской книжке «Северного вестника» (1888. № 1) в своей постоянной рубрике «Дневник читателя» он выразил недоумение Скабичевскому по поводу уподобления им всей современной русской литературы — лилипутии, в то время как совсем недавно ушли из жизни Островский и Достоевский, живы и работают Щедрин, Л. Толстой, Г. Успенский, а также подающие надежды молодые писатели («Я упоминаю только общепризнанные вершины литературы, воздерживаясь указаний на силы еще окончательно не определившиеся, и думаю, что литература, в которой живут и действуют даже только приведенные имена, имеет право оскорбиться титулом лиллипута»).⁵⁸ Статья была обращена, главным образом, к Скабичевскому, позволившему себе недопустимый тон критических оценок, о предмете его высказываний — рецензируемой книге, речи почти не шло.⁵⁹ Тем не менее Минский, неудовлетворенный реакцией критики на сборник, воспринял этот отзыв как слова одобрения.

2

Второе издание книги вышло в свет в начале февраля 1888 года.⁶⁰ Личное знакомство с Михайловским (оба сотрудничали в «Северном вестнике», встречались у А. М. Евреиновой, в салоне А. А. Давыдовой и т. д.) и слова поддержки в «Дневнике читателя» побудили Минского обратиться к нему с просьбой о рецензии (к тому же случился подходящий повод — 1 февраля Михайловский написал ему по одному редакционному делу).

Неизвестно, было ли это письмо отправлено, имя адресата в тексте густо зачеркнуто и едва читается. Возможно, Минский намеревался оформить свои размышления в виде статьи, которая осталась ненапечатанной; более вероятно, что он обсудил волнующие его вопросы в личной беседе с Михайловским и отложил письмо за ненадобностью. В любом случае, мы имеем дело с программным высказыванием поэта 1880-х годов, которое по своему «весу» и значению может быть поставлено рядом с его статьёй «Старинный спор».

«8 февр<аля> <18>88 г.

Б. Итальянская, д. 15 кв. 12

[Многоуважаемый Николай Константинович,]

Посылаю Вам экземпляр поступившего сегодня в продажу второго издания (2-й тысячи) моей книги. Если Вы пожелаете коснуться в статье моих стихов — то вот Вам формальный предлог.

Я считаю Ваш голос в этом деле крайне важным, почти решающим. Мне не доводилось читать Ваши статьи чисто эстетического характера, но Вы — единственный писатель, способный верно и глубоко определить общественную и нравственную тенденцию художественных произведений. А тенденция любой поэзии общественная или философско-нравственная, служение красоте играет в ней первостепенную или, вер-

пьедестальчик карабкается из всех сил и, наконец, утверждается на нем и утверждается на нем в самой торжественной позе маленький писатель. Около надувшегося на пьедестальчике маленького стихокропателя стоит еще более маленький критиканчик и с серьезным благоговением взирает на него, его торжественную позу, его усиленного надувания!» и т. п. (*Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1888. 2 (14) сент. № 4494. С. 2*).

⁵⁸ Н. М. [Михайловский Н. К.]. Дневник читателя: Кое-какие итоги. С. 129.

⁵⁹ Месяцем раньше в «Северном вестнике» в разделе «Новые книги» была напечатана (без подписи) сочувственная, хотя и весьма сдержанная рецензия на книгу Минского, автором которой, судя по всему, также был Михайловский; она посвящена разбору «титульного» стихотворения «Вакханкой молодой она ко мне вошла...» и идейной эволюции поэта (Северный вестник. 1887. Отд. II. № 12. С. 116–120). В заключение автор выразил надежду, что Минский вернется к своим прежним идеалам («богине строгой»).

⁶⁰ *Минский Н. Стихотворения. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1888.*

нее, служебную роль. Глубока ли эта тенденция, почему она такая, а не другая — это Вы нам и скажете.

В последнем разговоре Вы как-то заметили, что вам необходимо знать, как современные поэты сами себя понимают. Для этой цели Вы перечитываете в „Заре“ полемику о значении искусства.⁶¹

Но в этой полемике, сколько мне помнится, говорилось об искусстве вообще, о принципах чистого искусства вообще, в сравнении с принципами чистой науки, об идеале, к которому стремится художественное творчество, о современном же искусстве и о современной поэзии речи не было. А между тем современная поэзия не служит и не может служить принципам чистого искусства. Почему — отчасти догадываюсь, а еще более жду ответа от Вас. Но так оно есть. Если бы современный поэт захотел служить чистой эстетике, он бы этим доказал, что он не сын своего времени, что он не отзывчив и, следовательно, не поэт. Когда человеческая жизнь придет в равновесие, опять восторжествует чистое искусство, которое вечно и прекрасно, как солнце. Но смотря потому, как жизнь поворачивается к этому солнцу в литературе, и наступает то весна, то осень. Птица, которая среди осени щебечет по-весеннему, глупая птица.

Гете сказал, что душа человека должна идти от полезного через истинное к прекрасному. Русская поэзия шла не этим путем. Она от прекрасного (Пушкин, Лермонтов) через полезное (Некрасов) пришла конечно не к истинному — но к скорби по истинному, к жажде <ложной?> и цели, которой нет. Если положительно проводить параллель между талантливыми и обыкновенными писателями, то следует сказать: Пушкина вдохновляла красота, Некрасова — народные страдания, а современных поэтов — больная совесть. В эпоху Пушкина русская жизнь пришла в равновесие, какое бы оно ни было, поэзия Пушкина была выражением этого равновесия, его живою гармонией. Потом жизнь разладилась, и поэзия Некрасова есть сплошной ряд диссонансов, в которых, однако, вся сила и пафос и залог искренности этого поэта. Но среди диссонансов Некрасова слышна одна мажорная нота: беззаветная вера в будущую победу „погибающих за великое дело любви“.⁶² Но вот погибающие погибли — и никакой победы не последовало.⁶³ Народ со всем своим удовольствием устраивал облавы на преследуемых народолюбцев, а интеллигенция ознаменовала себя гнусностями и предательствами неслыханными. И вот человеческая душа, испуганная и ошеломленная, невольно стала метаться. Она жаждет постигнуть дело разума или терзается сомнениями, она баюкает себя грезами о какой-то вечной мистической любви. Характеры <обставлены?>, нет больше личности, всех одолела болезненная чувствительность и жажда экстаза. Говоря по совести, я разумею молодых вообще и современных поэтов в особенности.

Когда слова нашего отрицания и пессимизма коснулись Толстого (других писателей они, кажется, не касались), этот гигант встряхнулся и создал новую религию.⁶⁴

Современные поэты, у которых нет и десятой части его силы — новой религии не создадут. Но в их сомнениях и жажде веры есть нечто религиозное. Замечали ли Вы, что в современной поэзии идет сплошное покаяние? И даже пессимизм наш какой-то религиозный. Это не пессимизм новой французской поэзии, обусловленный извращенностью чувств (или наоборот), заставляющий вместо слов употреблять какие-то символы, слышать глазами и видеть ушами или носом (симфония запахов), или вместо описания природы и людей изображать запахи различных частей женского тела

⁶¹ В «Заметках о поэзии и поэтах» — в части, посвященной поэзии Надсона, Михайловский цитирует фрагменты его статей «Заметки о теории поэзии» и «Поэты и критика» (1884), суждения о поэзии Минского предваряет обширными цитатами из «Старинного спора» (Михайловский Н. К. Собр. соч. Т. 6. С. 610–611; впервые: Северный вестник. 1888. № 3. С. 130–156).

⁶² Цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Рыцарь на час» (1862).

⁶³ Речь идет о казни первомайцев и разгроме организации «Земля и воля».

⁶⁴ Имеется в виду религиозно-философский трактат Л. Толстого «В чем моя вера» (1884). Дискуссия о науке и искусстве в «Заре» началась с публикации отрывка из запрещенной в России «Исповеди» Толстого (текст был перепечатан из журнала «Ребус»).

(одна часть пахнет «кислым пасленом, а другая — опопанаксом!»). Наш пессимизм видит глазами, и не только видит, но еще не теряет способности плакать; наш пессимизм жаждет подвига, но не находит его. Что будет дальше — не знаю. Может быть, мы живем накануне полного декаданса, хотя сердце этому не верит.

Вот как я себе представляю генезис и роль современной поэзии, — прав ли я? Или же самообольщаюсь, и никакой глубокой связи между современностью и современной поэзией нет, и следует признать, что последняя „торжествует“ не только „преувеличенно“, но и случайно. Вот вопросы, на которые жду ответа от Вас и только от Вас.

Маленькая проверка, под современными поэтами я вовсе не разумею всех, кто теперь пишет стихи. Есть несколько стихотворцев (весьма талантливых), которые ударились в фетовщину и чистое искусство.⁶⁵ Это дань литературы — реакции. То же замечается и в беллетристике. В произведениях одних (Гаршина, Короленки, Безродной⁶⁶) чувствуется голос наболевшей совести, от других так и разит самодовольством — беспечальных художников. Что говорить, чистое искусство — великое дело, и вдохновенный музыкант, конечно, выше пожарного, но, если горит в соседнем доме и слышны крики о помощи, вдохновенный музыкант бросит играть сонату и побежит помогать пожарным, или он — не художник, а сухой и скучный педант искусства. Простите за бесконечное письмо. Я часто начинал с Вами разговор об искусстве, но на словах не сказать всего, что хочешь.

Искренно уважающий Вас

Н. Виленкин

<Приписано позднее:> Это последний <позор?> на музыканте, который продолжает играть вальс, когда под окном слышны крики о помощи. Мы не верим, играть вальс бросили, но от этого не легче. К нам зывали о помощи, о слове утешения тысячи и тысячи опустошенных душ, мы отвечаем им — их же криками, только в более звуковой форме, кладем их стоны на музыку».⁶⁷

Михайловский на свой лад ответил Минскому в мартовской книжке «Северного вестника» очерком «Заметки о поэзии и поэтах», в котором высказал ряд тонких наблюдений о современной поэзии и стихотворцах, прокомментировал (с позиции «направления») дискуссию в киевской «Заре» и статью «Старинный спор», а в заключение дал оценку сборнику: «...это большой успех. Большой и заслуженный, потому что г. Минский и талантлив, и никогда не топил мысли в озере музыкальных созвучий. <...> его стихи всегда обращаются к сознанию читателей, но огромное число его читателей, наверное, не откликаются на это обращение. <...> Поэзия Минского вся из противоречий, он не гармоничен. Вы просто видите человека, который когда-то имел веру и ныне потерял ее, ищет новой веры и не находит, и, может быть, даже не желает, в тайниках-то души, ее найти, потому что положение ищущего ему кажется поэтически красивым».⁶⁸

Поставленный Минским в письме к Михайловскому вопрос о будущем современной поэзии как будто остался без прямого ответа, однако сам факт состоявшегося диалога поэта и критика фиксирует поворотный момент в истории русской литературы и эстетической мысли конца XIX века.

⁶⁵ Поэты «чистого искусства» — последователи А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. Н. Майкова («парнасцы», как их называет Н. К. Михайловский в статье «Заметки о поэзии и поэтах», 1888) — К. М. Фофанов, М. А. Лохвицкая, А. Н. Апухтин, А. А. Голенищев-Кутузов и др.

⁶⁶ Безродная Юлия (наст. имя: Юлия Ивановна Яковлева; 1858–1910) — писательница, первая жена Н. Минского; состояли в гражданском браке с 1877 года, в 1882 году после принятия Минским православия венчались; с 1886 года в разводе.

⁶⁷ ИРЛИ. Ф. 39. Ед. хр. 280. В письме речь идет о рукописи романа, присланного в редакцию «Северного вестника» (имя автора не поддается прочтению).

⁶⁸ Михайловский Н. Заметки о поэзии и поэтах // Михайловский Н. К. Собр. соч. Т. 6. С. 617 (впервые: Северный вестник. 1888. № 3. Отд. II. С. 130–156).

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna Pavlova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0500-6113

mmpavlova@gmail.com

**ЗАЛОЖНИК «СТАРИННОГО СПОРА»:
ВОКРУГ «СТИХОТВОРЕНИЙ» (1887) Н. М. МИНСКОГО**

**THE HOSTAGE OF THE ANCIENT DISPUTE:
AROUND THE POEMS (1887) BY N. M. MINSKY**

В статье представлены новые документы, относящиеся к выходу в свет книги Н. М. Минского «Стихотворения» (1887): переписка поэта с А. М. Скабичевским — автором скандальной рецензии на это издание; материалы газетно-журнальной полемики, выступления в защиту поэта А. Волынского и Н. К. Михайловского; письмо Минского к Михайловскому (1888) — «программный» текст, фиксирующий изменение литературной ситуации — переход от позитивизма и утилитаризма «шестидесятников» к эстетизму и идеализму ранних символистов.

Ключевые слова: сборник Н. Минского «Стихотворения» (1887), переписка, газетно-журнальная полемика, А. М. Скабичевский, А. Л. Волынский, Н. К. Михайловский, русская литература конца XIX века.

The article presents new documents related to the publication of N. M. Minsky's book *Poems* (1887): the poet's correspondence with A. M. Skabichevsky, the author of the scandalous review; excerpts from the newspaper and magazine polemics, speeches in defense of the poet by A. Volynsky and N. K. Mikhailovsky; Minsky's letter to Mikhailovsky (1888), «a programmatic» text that captures the changes in the literary situation — the transition from positivism and utilitarianism of the «sixties» to the aestheticism and idealism of the early Symbolists.

Key words: collection of N. Minsky's *Poems* (1887), correspondence, newspaper and magazine polemics, A. M. Skabichevsky, A. L. Volynsky, N. K. Mikhailovsky, Russian literature of the late 19th century.

Список литературы

1. Азадовский К. М. Венский акцент: Федор Сологуб и его переводчик // Русская литература. 2021. № 1.
2. Библиотека русской критики. Критика русского символизма. М., 2002. Т. 1 / Автор-сост. Н. А. Богомолов.
3. Богомолов Н. А. В Ясной Поляне 125 лет тому назад // Русская литература. 2018. № 3.
4. Богомолов Н. А. Печать русского символизма. Saarbrücken, 2012.
5. Вересаев В. В. Литературные воспоминания // Вересаев В. В. Собр. соч.: В 5 т. / Подг. текста и прим. В. М. Нольде и Ю. У. Бабушкина. М., 1961. Т. 5.
6. История русской литературы XIX — начала XX века. Библиографический указатель. Общая часть / Под ред. К. Д. Муратовой. СПб., 1993.
7. К истории раннего русского символизма: Переписка Л. Я. Гуревич с Н. М. Минским / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2024 г. СПб., 2024.
8. Куприяновский П. В. «Оглядываюсь на прошлое...»: Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009.
9. Лит. наследство. 2023. Т. 113. Валерий Брюсов и Петр Перцов. Переписка 1894–1911 гг. / Сост., вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова; подг. текста Ю. П. Благоволиной, А. В. Лаврова, Т. В. Павловой.

10. Минский Н., Добролюбов А. Стихотворения и поэмы / Вступ. статьи, подг. текста и прим. С. В. Сапожкова и А. А. Кобринского. СПб., 2005 (Новая Библиотека поэта; Ранние символисты).

11. Минц З. Г. Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Минц З. Г. Блок и русский символизм: Избр. тр.: В 3 кн. СПб., 2004. Кн. 3. Поэтика русского символизма.

12. Павлова М. М. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья вторая // Литературный факт. 2021. № 3 (21).

13. Павлова М. М., Богомолов Н. А. Из воспоминаний Л. Я. Гуревич о журнале «Северный вестник». Статья первая // Литературный факт. 2021. № 1 (19).

14. Перцов П. П. Литературные воспоминания: 1890–1902 / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. А. В. Лаврова. М., 2002.

15. Сапожков С. В. Библиография Н. М. Минского. Части 2–3 // Литературный факт. 2021. № 2 (20).

16. Сапожков С. По опасной тропе «холодных слов»: Поэзия и судьба Николая Минского. М., 2021.

17. Толстая Е. Д. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волинского. М., 2013.

References

1. Azadovskii K. M. Venskii aktsent: Fedor Sologub i ego perevodchik // Russkaia literatura. 2021. № 1.

2. Biblioteka russkoi kritiki. Kritika russkogo simvolizma. M., 2002. T. 1 / Avtor-sost. N. A. Bogomolov.

3. Bogomolov N. A. Pechat' russkogo simvolizma. Saarbrücken, 2012.

4. Bogomolov N. A. V Iasnoi Poliane 125 let tomu nazad // Russkaia literatura. 2018. № 3.

5. Istoriia russkoi literatury XIX — nachala XX veka. Bibliograficheskii ukazatel'. Obshchaia chast' / Pod red. K. D. Muratovoi. SPb., 1993.

6. K istorii rannego russkogo simvolizma: Perepiska L. Ia. Gurevich s N. M. Minskim / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2024 g. SPb., 2024.

7. Kupriianovskii P. V. «Ogliadyvaius' na proshloe...»: Zhurnal «Severnyi vestnik» 1890-kh godov i ego literaturnaia pozitsiia. Voronezh, 2009.

8. Lit. nasledstvo. 2023. T. 113. Valerii Briusov i Petr Pertsov. Perepiska 1894–1911 gg. / Sost., vstup. stat'ia, publ. i komm. A. V. Lavrova; podg. teksta Iu. P. Blagovolinoi, A. V. Lavrova, T. V. Pavlovoi.

9. Minskii N., Dobroliubov A. Stikhotvoreniia i poemy / Vstup. stat'i, podg. teksta i prim. S. V. Sapozhkova i A. A. Kobrinskogo. SPb., 2005 (Novaia Biblioteka poeta; Rannie simvolisty).

10. Mints Z. G. Stat'ia N. Minskogo «Starinnyi spor» i ee mesto v stanovenii russkogo simvolizma // Mints Z. G. Blok i russkii simvolizm: Izbr. tr.: V 3 kn. SPb., 2004. Kn. 3. Poetika russkogo simvolizma.

11. Pavlova M. M. Iz vospominanii L. Ia. Gurevich o zhurnale «Severnyi vestnik». Stat'ia vtoraiia // Literaturnyi fakt. 2021. № 3 (21).

12. Pavlova M. M., Bogomolov N. A. Iz vospominanii L. Ia. Gurevich o zhurnale «Severnyi vestnik». Stat'ia pervaiia // Literaturnyi fakt. 2021. № 1 (19).

13. Pertsov P. P. Literaturnye vospominaniia: 1890–1902 / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. A. V. Lavrova. M., 2002.

14. Sapozhkov S. Po opasnoi trope «kholodnykh slov»: Poeziia i sud'ba Nikolaia Minskogo. M., 2021.

15. Sapozhkov S. V. Bibliografiia N. M. Minskogo. Chasti 2–3 // Literaturnyi fakt. 2021. № 2 (20).

16. Tolstaia E. D. Bednyi rytsar': Intellektual'noe stranstvie Akima Volynskogo. M., 2013.

17. Veresaev V. V. Literaturnye vospominaniia // Veresaev V. V. Sobr. soch.: V 5 t. / Podg. teksta i prim. V. M. Nol'de i Iu. U. Babushkina. M., 1961. T. 5.